

Адель

Роман в стихах

Дмитрий Итальяев

18+

Дмитрий Итальяев

Адель

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Итальяев Д.

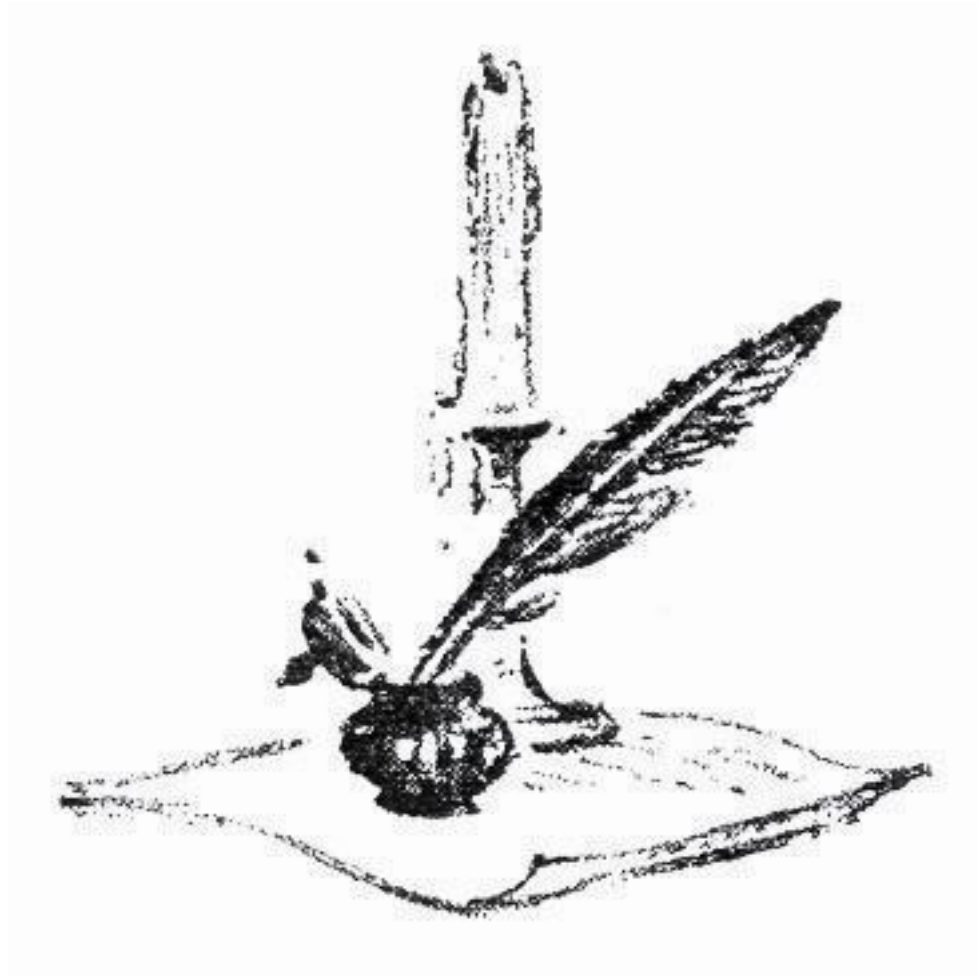
Адель / Д. Итальяев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман предоставляет возможность ознакомиться со страницами истории постреволюционной Франции, периодом правления Наполеона Бонапарта. Автор знакомит читателя с примечательным событием, имевшим место в жизни молодого генерала во время Египетской экспедиции 1798-1801гг. Параллельная сюжетная линия романа посвящена веяниям нового времени: интерпретация понятия патриотизм, эмигрантские настроения, антагонизм прошлого и будущего в развитии современного общества.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

124

Specially for Homo Sapiens.

Посвящается

А

.

Пролог.

Не требуй, бесхребетная толпа,

У Гения подобным быть себе!

Тем тяжкий грех ты на века

Вменишь посредственной душе!

Умолкни тот, что современник!

Умолкни, сердца не имея!

Потомок вешает пусть ценник!

Он разберется, разумея!

Завидуй! Ты – всего лишь пленник!

Завидуй редким и свободным!

Ты – им всего лишь соплеменник!

Но ты ли Суд тем благородным?!

Глава I.

Разбитой можно считать лишь ту жизнь,

которая остановилась в своем развитии.

Оскар Уайльд.

I.

Бог весть шел который год,

Взвыл французский весь народ.

Правил им в тот день и час

Хитрый, вдумчивый Баррас¹.

Он оброс могучей кликой.

Мерзкой, алчной, безликой;

Нувориш аббат Сийес²

И Фуше³, смердящий, здесь.

¹ Поль Франсуа Жан Николя, виконт де Баррас (30 июня 1755— 29 января 1829) – деятель Великой французской революции, один из лидеров термидорианского переворота, директор всех составов Директории и фактический её руководитель в 1795—1799.

² Эммануэль-Жозеф Сийес, (3 мая 1748— 20 июня 1836) – французский политический деятель.

³ Жозеф Фуше, герцог Отрантский (21 мая 1759— 26 декабря 1820) – французский политический и государственный

До диктатора, конечно,
Полю было далеко,
Но главенствовал беспечно
В Директории⁴. Легко
К ним примкнул Роже-Дюко⁵.
Талейран⁶, Гойе⁷, Мулен⁸,
Видом что своим блажен,
Также были в тех кругах,
Также были при делах.
Вся столичная богема
Утопала во грехе,
Как смертельная холера,
Предавая все трухе.
Вкус еды в мечтах внимая,
Чернь голодная роптала.
Интервентов злая стая
Спать «буржую» не давала.
Мимо «нельсоного взора»⁹
Доносилось эхом ора,

деятель.

⁴ Директория—(1795—1799) – французское правительство по конституции 1795—1799 годов, в котором исполнительная власть принадлежала пяти директорам.

⁵ Граф Империи Пьер Роже Дюко (25 июля 1747— 16 марта 1816) – французский государственный деятель.

⁶ Шарль Морис де Талейран-Перигор (2 февраля 1754— 17 мая 1838) – князь Беневентский, французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел при трёх режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа.

⁷ Луи-Жером Гойе (27 февраля 1746— 29 мая 1830) – французский политик времён Великой Французской революции, министр юстиции в 1793—1794 годах.

⁸ Жан-Франсуа Мулен, (14 марта 1752г – 12 марта 1810г), французский политический деятель.

⁹ Морская блокада, установленная в результате победы английского флота под командованием адмирала Горацио Нельсона в морском сражении с французским флотом у побережья Египта в Абукирском заливе.

Что кругом бардак, позор,
А в Париже правит вор.
На окраине Каира,
За столом над картой мира,
Корсиканец-генерал,
Сидя молча, размышлял...

II.

«Что за рукопись такая на французском языке?
Только что нашел, копаясь, я у нас на чердаке», –
С неожиданным вопросом к бабушке он подошел,
Упиваясь любопытством, сей же час ответ нашел.

III.

Здравствуй, разный столь читатель!
Будь ты повар иль издатель,
Строгий цензор или циник,
Меланхолик иль сангвиник;
Друг Вольтера, может быть?
Кем бы ни хотел ты слыть:
Почитателем Гомера,
Брутом, может, для примера,
Изволь, прими же на свой суд
Сей скромный рукотворный труд!
Смешенье стилей, разных лет,
Спасение от многих бед.

Все лишь зависит от того,
Как примешь для себя его.
Горделиво скажешь: «Скука!
Сей роман читать мне – мұка!»
Иль с надежностью гонца,
Стремглав прочтешь все до конца.
В нем думы вечные сплелись,
Играя ласково речами.
Любовь с Величием сошлись,
С пера стекая вечерами.
Отрада глаз, для слуха сладость!
В нем дух времен, смятенье, наглость!
Здесь добродетель и порок.
Судьбы превратной в нем намек!

IV.

В древнем городе Казани
Ходит множество сказаний.
Одним из них, мои друзья,
Делюсь теперь и с вами я.
Мне его однажды утром
Ветер вольный нашептал,
А ему в наследство прежде
Клен осенний передал.
Сдав предательски пароли,

Явки, адреса стеблей,
Я раздам героям роли.
Так знакомься же, скорей!
Вот идет походкой резкой,
Слякоти навстречу мерзкой,
По селу с названьем странным,
Гостем для нее желанным,
К бабушке родной своей
Внук приехал на шесть дней.
Звали парня Радамель,
По фамилии Укроев.
Уж таков его удел –
Главным быть средь всех героев.
Роль его пусть и мала:
Примечательна она.
Отроду без трех лет тридцать,
Нет ни брата, ни сестрицы.
Брюнет, эстет в рассвете лет;
Ах, как же жаль, что не поэт!
Рожден в семье простых людей,
Но не лишен ораторских речей.
Он в тренде рос с животной стаей,
Иначе было жить нельзя.
Надежду, правда, нам внушая,

Таилась в парне разума стезя.
Из маленького городка,
Откуда родом наш герой,
Чтоб тот развеялся слегка,
В деревню отправляли мальчика порой.
А там луга! Простор! Березой пахнет!
Там чистота, там дух не чахнет.
Там бабушкины пироги,
Как панацея от тоски.
Средь деревенской детворы,
От школьной парты отдыхая,
В укромном уголке страны
Рос мальчик, взрослых бед не зная.
Не ведая о «девяностых», «нулевых».
О том, что люди злы, коварны.
Ни о безгрешных и святых
Из прессы лживой и бульварной.
Пил молоко он с бабушкиных рук,
Рыбачил с дедом славный внук.
И все бы было ничего,
Да только отличало мальчика того,
От сверстников бесчисленных вокруг,
Стремленье вырваться за круг;
Шаблонный, предначертанный людьми:
Быть среднестатистическими, как они.

В июле смуглый восьмиклассник,
У речки сидя, пас гусей.
Бунтарь он! – Тем ли безобразник?
В отличие от одноклассников-друзей:
С собой он к речке книги брал,
Слегка иначе рассуждал,
Себе вопросы задавал
И Чернышевского читал.
А Васи, Пети – Пушкина лишь знали,
Да и того не понимали.
В сорокапятиминутной суете
Знакомили между собой их по стране.

V.

Родителей цените, други!
Однажды может их не стать.
И матерям целуйте руки,
Отцов не перестаньте обнимать!
Не говорите тяжких слов
В порывах злости и обиды.
Ведь в эту жизнь они вам гиды,
А в ваших венах их любовь!
Когорту редкую пополнив,
Герой наш, благодарных сыновей,
Предначертание исполнив,

Дожил до отроческих дней.
На горизонте уж поры
Конец маячил школьной.
Эпохи звонкой детворы,
Беспечной и раздольной.
Пора из гавани отчалить,
Родительский покинув дом.
Амбиции свои прославить,
Заветный получив диплом.
Натруженный, заслуженный,
Не моде дань, не просто так!
В век, мракобесием простуженный,
Ходил с дипломом всяк дурак;
Глупец посиживал на троне,
Листву мудрец мел на перроне –
Казалось, до скончанья дней
Рабы мы парадигмы сей.

VI.

К прекрасной Франции герой мой тяготел.
Его манило – «L'art de vivre»¹⁰!
А стать он переводчиком хотел,
Открыв для себя этот мир:
Изысканности, чувств и такта.

¹⁰ С фр. – Искусство жизни.

Парижских крыш, что приютил уют.
И «сен-жерменского»¹¹ антракта,
Где гении себя куют.
Богатством не обременен –
Он жребий бросил в Рубикон.
Ведь до скончания времен
Быть целью подвижимым – резон.
«Смогли другие, я смогу!
В Москву! В Москву!
Вся жизнь в столице!» –
Он улыбнулся проводнице.
Мечтой ведомый милый друг
Теперь среди профессуры.
Пуд лингвистических наук
Съедает без халтуры.
Язык Дюма-отца, что сына,
Коварен, сложен и красив.
Игривость Сены, Альп в нем сила,
Садов Прованса лейтмотив.
И за неделей вновь неделя
Копилась в жизни Радамеля.
Он будоражил девичьи умы,
Они харизмой были пленены.

¹¹ Театр "Сен-Жермен" (Le Theatre Saint-germain)

Студенток юных дивный взор
Встречал безукоризненный укор.
Его самовлюбленный слог
С ума свести бы многих смог.
Одних гневил, других влюблял,
У Воробьевых гор гулял.
Жил жизнью малых авантюр,
Ценя клубничный конфитюр.
Вниманьем женским был не обделен,
Но ни одной из дам все ж не был окрылен.
Онегин был ему немил
И с Ленским дружбы не водил.

VII.

Он был классический брюнет,
И роста среднего, похоже.
В глазах таился карий цвет.
Встречали вы его, быть может?
Охранник в магазине, дворник,
На рынке грузчик вечером во вторник.
Нет, не лентяй – в трудах он пылок,
Не ждал родительских посылок.
Изнеженный студенческий бомонд
Нутром лелеять пролетарским он не мог;
Рабынь селфийных всяк тревог

Толпу гиалуоновых джаконд.
А особи мужского пола,
В наш век, совсем на грани фола;
Все изящней силуэты,
Все примитивнее портреты.
Студенчества пора беспечна –
Прекрасный нашей жизни миг!
Но и она, увы, не вечна,
Столь скоротечен ее лик.
Вот наш неизбалованный студент,
Тернистый путь пройдя невольно,
Пополнив редкостный процент,
Закончил обучение достойно.

VIII.

Ах, двадцать первый век!
В тебе надежд сокрыто сколько?
И человеку много ль бед
Велишь перенести ты стойко?
Что уготовил ты народам?
Войну иль мир, чуму иль пир?
Тиранам или антиподам
Судья ты будешь и кумир?
Какие здания отстроим?
Каких сынов себе родим?

Почем сегодня, люди, стоим,
Правдивый коль лжецом гоним?
Кому окажешь реверансы?
Труду ли выпишешь авансы?
Аль бездарю благоволишь?
Ну что же, брат ты мой, молчишь?...

IX.

Пригрета осенью Москва.
Сентябрь любит обнимать.
Бессмысленны порой слова –
Объятья эти описать.
Отбросив все свои труды,
На Воронцовские пруды,
Развод узреть желтеющей листвы
Вслед за героем отправляемся и мы.
Здесь за руку держась гуляют
И что-то мило обсуждают
Теть Катерина с Гошей
В воскресный день погожий.
Тут слышен детский смех игривый,
Собачки чьей-то лай пытливый.
Скамейка одинокая скучает,
Маняще интроверта привлекает.
Усевшись, рассмотрев пейзаж,

Мой вдохновенный персонаж
Надумал было мирно жить.
Но суждено тому ли быть?...
Подобных редко слышал голосов я.
Не помню, то ли уж Олеся Куприна,
Крик девичий неподалеку: «Софья!»
Напомнил кончику пера.
Да ладно я! Слегка зевнув,
Покой героя своего спугнув,
Его заставлю обернуться,
Сердца иначе разминутся...

Х.

Знакомьтесь: Софья.
Вислоухая британка.
Под бирюзовой шлейкой
Изящная осанка.
Инстинкт в узде не удержав,
Заслышав лай неподалеку,
На ветку взобралась стремглав,
Тем самым вскрыв всю подоплеку
Своей хозяйки крика.
Она была безлика.
Спиной стояла к другу моему,
И лишь безлика потому.

Пропитанный беспомощностью голос
В мужчине пробуждать обязан логос.
А если он к тому же женский,
То лавры подвига – вселенски!
«Не волнуйтесь. Что случилось?», –
Подходя к ней резвым шагом,
Изучая ее взглядом,
Оказался с ней он рядом.
Зеленые глаза, украдкой,
Предстали перед ним загадкой;
И головы неторопливый поворот,
Нехарактерный для сложившихся хлопот.
«Вот...», –
Слегка растерянно произнесла
Кокетка моего пера.
Она пленительно легка,
Невысока, на каблуках.
Миниатюрно-дерзкий носик;
И с робкой дрожью на губах,
Через мгновение попросит:
«Любезны будьте, помогите!
Все быстро так произошло...
И что так на нее нашло?!
Всегда гуляли в этом месте;
И лай собачий ей знаком,

И страх, казалось, неуместен.
Мне, нерадивой, поделом!»
Он, снисходительной улыбкой
Отчаяние незнакомки обуздав,
Решив полезть за кошкой прыткой,
Рубашки закатал рукав.
Но удержать себя не мог!
Любил он приводить в восторг
Пол слабый, ненадежный.
Ах, льстец он, невозможный!

XI.

«Не стоит милой столь особе
В прелестный день по пустякам
Тревогам поддаваться, злобе.
Я руку помощи подам!
Тем паче, что мое ведь кредо,
Наследованная от деда:
В любой ситуации – победа,
Без перерыва на обеды», –
В улыбке проходила та беседа.
Слегка пижонист и надменен
(Он в этом деле неизменен).
Она, смущаясь, улыбалась
И пальцами виска касалась.

Движение ловкое, второе,
Уверенное моего героя –
И словно покоритель Трои,
Взобрался ввысь по древу воин.
Маневр сей Софью не смутил,
Она прижалась крепко к ветке.
Всей хваткой цепкой, что есть сил,
Застыла в виде статуэтки;
И в левой вот уже руке,
На безымянной высоте,
Виновница сентябрьских тревог
(Читать умеете между строк)
У Радамеля оказалась
Да вместе с ним с небес спускалась.
Героям лавры не снискать!
Пустяк, казалось бы, но все же,
Взгляд благодарный испытать
Он на себе девичий сможет.

ХII.

Она ждала ее, его...
Шатенка творческих фантазий;
Как андалузское вино,
Вобрав купаж многообразий.
В ней одиночество ютилось,

Таился мамин властный нрав,
Отцу-бедняге объяснявший,
Кто виноват, а кто здесь прав.
Но тело! Тело как прекрасно!
И безразлично, что в ней властно!
Венецианский бархат – кожа,
А статью с Барселоной схожа!
Без современного гламура,
Позерства и «утиных губ».
Естественная в ней натура,
Жаль только мир подобным скуп.
Прижав спасенную особу
К груди своей, поцеловав,
Сияя, проронила: «Слава Богу...»,
Взгляд Радамеля на себе поймав.
– Слов благодарности для вас
Я собрала бы все на свете. Браво!
– Ну не Помпею же я спас.
Не стоит, уверяю, право.
– Ах, улыбаясь и лукаво
Вы как-то все произнесли.
– А не пора ли вам идти?...
Она и он: смеялись оба;
Она – уютная особа.

Он – ироничен и шутилив,
И постановочно спесив.
Вот продолжение диалога
(Лишь атмосферу передал):
Она искала, видимо, предлога,
Он, видимо, ей в этом помогал.
– Навязчивой быть не хочу
В стремлении благодарить –
Позвольте хоть вас чаем угощу!
– Уговорили, так и быть.
– Недалеко отсюда, знаю,
Отличное местечко есть.
Не помешало бы присесть,
Сейчас об этом так мечтаю.
– Признаться, вас я понимаю
И эти взгляды разделяю.

ХІІІ.

Любовь... любовь.
Ах, как банально!
Изношенно, сентиментально –
Писать об этом вновь и вновь:
Упомянуть от сотворенья мира,
От первых праведных людей,
От Рима и до пьес Шекспира,

Слова и оды посвящая ей.

Идей и душ сколь много в жертву

Любви к ногам принесено?

И загнано сердце сколь в клетку

Ею?.. И ею ж освобождено!

О ней писал и друг мой, Саша.

Писал Тургенев, Тютчев, Блок.

Болели ею Аня и Наташа –

Знавал в любви Толстой все ж толк!

Какое право я имею?!

Судьбой неистовой гоним,

Творить иначе разве смею,

Коль сам я музою любим?!

Коль среди гениев когорты

Меж мной и ими грани стерты.

XIV.

Мне б брэнной славы не снискать,

А все ж продолжу я писать!

О том, что бьется чуть сильнее сердце

В уютном месте за стеклом.

Влюбленность не измерить в герцах

У двух, сидящих за столом.

Давайте им мешать не будем,

По мне, поступок сей разумен.

Тем более я с содержанием знаком,
Беседы миловидных о былом:
– Я в этой суете мирской
Совсем забыла вас спросить:
Все ж как зовется наш герой,
Каким вас именем благодарить?
– Меня запомнить будет сложно.
Зовут, как каждого второго, – Радамель.
– Тогда и вам меня, возможно,
Мое: куда банальнее – Адель.
Как вам все это удастся?
Опять я улыбаюсь из-за вас...
– Сие харизмою зовется,
Увы, но ей я не указ.
А если уж и быть серьезным,
То нахожу я все курьезным;
В воскресный выходной свой день
Мне вас в себя влюблять столь лень.

XV.

Ей нравилось, что он самоуверен,
Немного циник и, возможно, мизантроп.
Все ж в театральности умерен,
Не быть излишне фамильярным чтоб.
Ему в ней нравилась улыбка,

Смущенный исподлобья взгляд.
И шарм, что в меру, без избытка,
И милый женственный наряд.
Знакомые досель едва ли,
Они друг друга узнавали.
Ей оказалось двадцать лет,
Ценитель мифов и легенд.
Истфака МГУ студентка,
Для женщины весьма что редко.
Быть может, сказано и едко,
Но, согласитесь, очень метко:
Как скучно женщину любить,
Коль не о чем с ней говорить!

XVI.

Историки – народ особый!
Уж их, поверьте, я знавал.
Они иной немного пробы,
Не той, что «доктор прописал»;
Анализа критического кладезь,
Мышления особый вид.
Вы обыватель? Что же... кланьтесь!
Глупец внутри коль вас сидит,
И стадным чувством аль гонимы,
Вам вряд ли ваши херувимы

Помогут рабством не страдать,
Коль рабство – ваша благодать.
Уж извините мою резкость,
Но мне чужда столь эта мерзость!
Средь нас таких, надеюсь, нет.
Раскрою маленький секрет:
Питаю в вас надежду в свет!
Признаюсь также, что порой
Коверкаю слова искусно.
В угоду рифме их покой
Тревожу да меняю русло.
Ах, пунктуацию не чту!
К тому я заявить хочу:
Мне индульгенция дана
Творить подобные дела!
Я внемлю внутреннему такту;
Я, сам решаю, где «антракту»,
А где иным, всяк поэтическим делам,
Быть там аль тут, иль тут, аль там!
Плюю с высокой колокольни
На ор презренный: «Так нельзя!»
Не с вами, многие! Сторонний.
И вы мне, к счастью, не друзья...

XVII.

Адель – прелестная особа,
Я расскажу о ней немного.
Она – самарская татарка,
Рожденная в объятьях марта.
Отец – купец, а мать – для форта
Читать любила Кисселя и Сартра.
Купец в наш век – предприниматель.
Ах, знал бы, милый мой читатель,
Поэту мир сколь этот тленен,
Когда роман осовременен!
Я б лучше о балах писал,
Но времена те не застал!
Поэтому прошу прощенья
За то, что это воскресенье
Друзей двух моего пера
Чтоб описать, чудесные слова
Я черпаю из тех времен,
В которые неистово влюблен.
Стать исключением из правил,
Отец ее, не захотев:
Учиться в златоглавую отправил,
Купить недвижимость сумев.
В просторном доме проживая,
Нужды и горестей не зная,
По плану жизнь ее текла.

Желать ли большего могла?
Она бывала за границей.
Миланом любовалась, Ниццей.
Маршрут меняя каждый год,
Жила, не ведая невзгод.
Он на три года ее старше.
Работает. Преподает.
В квартире съемной проживая,
Совсем иную жизнь ведет.
Казалось, из миров двух разных,
По-своему прекрасных, праздных,
Сошлись два человека,
Иронии радь смеха.

Глава II.

– *Я тебя люблю.*
– *Но ты же меня практически не знаешь?*
– *А какое это отношение имеет к любви?*
Эрих Мария Ремарк.

Когда я хочу услышать умного человека – Я начинаю говорить.

Жозе Моуриньо.

I.

Я, запоздав иль слишком рано,

Главу вторую своего романа,

С соизволения, начну,

Оставив первую главу

На суд общественности, сыска

И критиков – хулителей изыска.

Да, кстати, сложно мне понять

Сия таинственную рать.

Как можно что-то толковать,

Пытаясь этим оправдать

Всю неспособность созидать?

Им пирожками б торговать...

На Сашу даже, друга моего,

Надеть старались те ярмо!

Но он, чертяка, – эталонный гений!

Тут Радамель, а там Евгений.

Нас рознит-то лишь одно:

Я – недавно, он – давно,

С Евтушенко заодно.

Жаль, что больше нет его...

Озарив собой свой век,

Был эпохой человек.

II.

Капризная в Москве погода,

Декабрь шел того же года.

Вот, невзирая на метель,

Мой друг Укроев Радамель

На Селезневскую спешил.

Ее он любит. Он решил.

Три месяца прошло, а все же,

Любви срок устанавливать негоже.

Достаточно и дня порой,

Чтоб любящею стать женой.

А может, и всей жизни не хватить,

Себя заставить мужа полюбить.

Адель к нему, весьма похоже,

Испытывала чувства тоже.

Она жила неподалеку,

Ждала к намеченному сроку.

В гостях чтоб у себя принять,

Домашним муссом угощать.

Грозилась все испечь пирог;

Ну разве устоять он мог?!

Поверьте мне, друзья, татарки –

Талантливые кулинарки!

III.

Пожертвовал герой наш многим,

Любовь свою чтоб навестить.

Не будь к нему, болельщик, строгим:

Посмел он дерби пропустить.

Бывала АПЛ¹² свирепа!

Жозе¹³ в тот вечер против Пепа¹⁴,

Во всеоружии предстал,

А Златан¹⁵ его страховал.

Уж очень каталонца модно

В наш век талантом называть.

Но если будет вам угодно:

Бесспорно! Я готов признать.

Вот только смею утверждать

(Всего лишь пленник рассуждений)

Фортуна – Гвардиолы мать,

А вот Жозе – в когорте – Гений!

IV.

Устали вы, возможно, ждать –

Пора к героям возвращать.

¹² Английская Премьер-лига (англ. Premier League) – профессиональная футбольная лига для английских футбольных клубов.

¹³ Жозе́ Мариу душ Сантуш Моури́ню Фелиш (26 января 1963, Сетубал, Португалия) – португальский футбольный тренер.

¹⁴ Хосе́п (Пеп) Мари́я Гварди́бла-и-Са́ла (18 января 1971, Санпедор, Каталония) – испанский футболист и футбольный тренер.

¹⁵ Зла́тан Ибраги́мович (3 октября 1981 года в Мальмё, Швеция) – шведский футболист боснийско-хорватского происхождения.

И пусть простит «туманный Альбион», –
Гонимых обскурантами персон
Ютить любитель всех времен.
Адель жила в элитном доме.
С десяток там, ее что кроме,
Подобных многокомнатных квартир
В себе надежно он хранил.
В угоду моде Радамель бородку
Заметную чуть отрастил.
Войдя, консьержа-сумасбродку
В подъезде этим он смутил.
Она жирна, ну в точь – амеба,
Безвестно шею потерявшая особа.
Из туловища сразу голова,
Была картина такова:
В руке одной держала бутерброд,
А во второй малиновый компот.
Пред нею на столе, без перспектив,
Конвейерный дурацкий детектив
Лежал раскрытым на восьмой главе.
Такие нынче: популярные в стране.
Каков купец – таков товар,
Каков приход – таков базар.
Из-под очков взглянув лениво,

Сие творение спросило:

– Мужчина, стойте, вы к кому?

– Подробности важны? К чему?

– Я знаю: здесь вы не живете,

А вдруг вы всех тут нас взорвете?

– Я в пятую на третьем этаже,

Да и бывал я тут уже.

– Не помню, не видала,

Все забывать я стала.

– Я в гости к Сафиной Адель, –

Лишь подытожил Радамель.

– Аделечка! Ах, знаю, знаю.

Ну проходите, одобряю.

– Позвольте все-таки сказать:

Чтоб на людей не клеветать,

Иные книги вам читать

Не помешало бы начать.

Что человека развивают,

А не в массовку превращают! –

И был на этом он таков,

Презритель всяких дураков.

V.

Открыла дверь, видна улыбка.

Как убаюкивает скрипка,

Дурманя человеку разум,
Она пленительную фразу
Переступившему порог произнесла:
«Ах, как же я тебя ждала...»
Внутри убранство таково:
Сомн комнат бежевого цвета.
Как в стилистическом панно –
Оттенки флорентийского рассвета.
Горит искусственно камин,
Уют небрежно создавая.
Обитель множества картин
Предстала, тишину внимая.
Все по-девчачьи, шебби-шик.
Отрада глаз, покоя миг.
Рюши, банты и кружева,
И кипа изящных штучек,
От коих кругом голова,
Безвкусию тут дали взбучек.
Ее доселе он до дома провожал,
Но вот внутри квартиры не бывал.
И то, что у другого вызвало б восторг,
Катализатором героя моего тревог
Стал этот изумительный чертог.
О сим мы позже чуть поговорим,
Ну а пока за чашкой чая,

Беспечности не нарушая,
Мы с ними тоже посидим.

VI.

Вкуснейший банановый пирог
И запах чая с бергамотом –
Их ароматом созданный мирок
Спокойствию стал оплотом.
Они уже друг друга знали,
Частенько по Москве гуляли.
И этот вечер ненароком
Всех этих встреч стал эпилогом.
Обняв его манерным взглядом,
Изящно встав из-за стола,
Она неторопливым шагом
К окну гостиной подошла.
Метель... метель кружила в танце.
Вальс неумный чих-то дум;
То ль одиночество скитальца,
То ль карнавалов праздных шум.
Взгляд, устремленный в никуда,
Адель с окна не отрывала.
Уютная, как никогда,
Непринужденно молвить стала:
«А знаешь, я должна признаться –

Казался мне слегка спесивым.
И как я рада ошибаться,
Ты в жизни оказался милым.
За эти месяцы знакомства
Ты классикою вероломства
Воспользовавшийся сполна,
Любовью сжег меня дотла.
Сжег одиночество и грусть,
И их теперь я не боюсь.
Испепелил во мне тревогу,
Открыл собою мир, свободу.
И как я благодарна Богу,
Что ты нашел ко мне дорогу.
Ах, знал бы ты какое счастье,
К которому лишь ты причастен:
Томиться ожиданьем встречи,
Зажечь для тебя эти свечи.
Как суетливо в гардеробе
Платья свои перебирать.
Храня волнение в утробе,
Красивой пред тобой предстать.
Признаться я тебе спешу:
Люблю тебя, тобой дышу.
И доказательством тому

В глазах твоих безропотно тону.

Возможно, я еще юна

И не могу судить сполна

О столь высоких чувствах,

Им характерных буйствах.

Но все ж, прошу, будь милосерден –

Прими всю искренность мою.

Я знаю: в этом ты усерден,

Из рук твоих я счастье пью...»

VII.

В гостиной воцарилась тишина,

Она все так же у окна.

Беснуется московская метель,

Коснулся плеч ее тихонько Радамель:

«И я давно в твоём плену,

Что в снах своих, что наяву.

С собой ты принесла весну,

Твои я чувства не верну.

Отныне их себе оставлю

Лелеять нежностью своей.

Я их величием прославлю

Коль обещаешь быть моей.

Лукавить я в речах не стану:

Не красотой ты важна.

Я повторять не перестану:
Мне преданность твоя нужна.
Ценна мне в женщине покорность –
Природное их ремесло.
И коль изъявишь ты готовность
Дарить мне это естество,
Ревнителем я верным стану
Покоя и блаженства твоего.
В тебе весь без остатка кану,
Не требуя иного ничего».
Она к нему вмиг обернулась,
Окинув изумрудным взглядом.
К груди его щекой уткнулась,
Не совладавши с тем, что рядом,
С тем, что так близко от нее
Любви дурмана острие.
С тем, что нещадно, непокорно
Лишает разума упорно.
– Я легкомысленною показаться
Боюсь, должна тебе признаться.
Знай, дома этого порог
Переступить никто не мог.
В свой мир я прежде не впускала
Сторонних, чуждых мне мужчин.
Из всех, что в жизни я встречала,

Стал люб и дорог ты один.

Душа и тело девственны мои,

Я их хранила для любви.

Не растерявши понапрасну

Смогла сберечь тепло и ласку...

– Взгляни в глаза мои, прошу.

Всю твою ценность, чистоту,

И эту плоть, и красоту

Терпением я заслужу.

Хочу, чтоб на тебе фата

Венцом невинности лежала.

Чтоб страсти тленной суета

Тому никак не помешала.

Желаю я владеть тобой

Не как знакомой, как женой.

И тела твоего касаться

До той поры хочу бояться.

– Но обнимать тебя мне можно? –

Улыбчиво произнесла Адель.

– И даже целовать. Но осторожно,

Как будто я – твоя свирель.

Чтоб твои губы понимали:

Нежнее нужно быть со мной.

Глаза твои при этом вопрошали:

«Будь милостив ко мне, о мой,
Оплот морали и герой!»
– Ну все, ну хватит, Радамель! –
Она, смеясь, к нему прижалась.
– Люблю тебя за это неужель...
С тобой всегда я улыбалась.
– Самоирония не повод
Оставить без присмотра голод.
А посему пойдем отсюда
Вкушать твоих стараний блюда.
Был сытным и уютным вечер,
Признавшихся в любви друг к другу.
Усилился московский ветер,
Сменив метель на злую вьюгу.
Уехал друг наш на такси
Не дожидаясь десяти.
Адель под звуки Дебюсси
Осталась чистоту блюсти.
Помыты вилки, ложки, чашки.
На теле улетучились мурашки.
Уставшая, поспать не прочь,
Легла в постель, встречая ночь.

Глава III.

*Мужчина, допускающий, чтобы им помыкала женщина, –
не мужчина и не женщина, а просто ничто.*

Наполеон I Бонапарт.

I.

Был у меня один приятель,
Он по натуре – созидатель.
Талант и баловень судьбы,
Но здесь такие не нужны.
Опередил свое он время,
Взвалив на себя этим бремя;
Завистливых лентяев взор
И алчных бездарей укор.
Ах, как он вкусно говорил!
И эпатажностью был мил.
Прими пощечину страны!

Другие ей сыны нужны...

Но унывать тот зря не стал,

Свой гений реализовал.

На берегах мирной он Темзы,

Начхать хотел на Яузы.

Изыск вкушая по утрам,

Теперь он гóголится¹⁶ там.

II.

Наш Радамель, мой друг Укроев,

Причастен был к орде изгоев.

Он на печи не восседал,

А кое-что предпринимал.

С пассионарными друзьями

Труды свои объединив,

Собравшись «чистыми» деньгами,

Соорудил он коллектив.

«Амбициозная артель», –

Шутя, прозвал их Радамель.

А коль фундамент дела – честность,

То жди, приятель, неизвестность.

Невиданная публика досель

В амбициозную артель

Вдруг стала в гости приходить –

Амбициозность хоронить;

¹⁶ *Ходит гоголем.

Залетали лебеди,
Ну, ей-богу, нелюди!
Заползали раки,
Злые, как собаки.
Заплывали щуки,
Преумножить муки.
Заходили пацаны –
Кладезь интеллекта.
Что-то им, мол, тут должны,
Стражам этикета.
Кто-то мило подмигнет,
Кто-то нагло взыщет.
Кто, зачем, кого гнетет?
Кто за кем тут рыщет?
Не продержавшись дольше года,
Порядочность в себе храня,
На скользких скрепах гололеда
Ребята поняли, что зря,
Лелея малый, верили в большой:
Расклад на практике иной.
И по совету смысловых людей
Он, отказавшись от затей,
В бюджетную вернулся благодать
«Язык Гюго» преподавать.

III.

Адель на предпоследнем курсе.

Экзамены июньские сдает.

В ее же до сих пор он вкусе,

Все по течению плывет.

Двадцать два месяца прошло,

Как ее сердце расцвело

С момента их знакомства.

И Софья уж потомство

Успела миру подарить;

Казалось бы, чего тужить?

К чему описывать их встречи?

Букеты слов, прогулки, речи.

Все, чем наполнились два года

С мгновенья их любви восхода.

Любовь – каприз такого рода,

Что, вкупе с счастьем, любит тишину.

У ней особая порода.

Да и рассказывать кому?

Неужто сами не любили?

Цветов весенних не дарили,

Не билось сердце с чьим-то в такт,

Не улыбались просто так.

И до утра пропав беспечно,

Хотели миг продлить навечно.

Симптомы у любви банальны,

Лишь анамнез оригинальный.

IV.

– Любимый, я сдала на пять! –

Счастливый голос в трубке телефона.

– Пойдем куда-нибудь гулять?

Не хочется сидеть так дома!

На улице шикарная погода,

А в парке явно дефицит народа!

– Ну кто-то разве сомневался?! –

Любимый в трубку улыбался.

– Неугомонная особа,

Ты можешь потерпеть немного?

У нас же выпускной сейчас.

11й «Г» как раз

Имеет виды на меня.

Им отказать никак нельзя!

Там – что ни ученик, то – личность.

Талантливая атипичность!

Напутствую, и у тебя! –

Ответил Радамель, шутя.

V.

Как на опасного микроба,

Спустя года консьерж-амеба
Не перестала на него глядеть,
Пусть и привыкла лицезреть.
Укроев часто появлялся,
Да и бородки след простыл.
Он с ней быть вежливым старался
И снисходителен к ней был.
Был снисходителен к инстинкту –
Трястись за одноклеточное бытие.
Витальному отдавшись лабиринту,
Влачить существование свое.
Что голову, что тело, набивая
Бессмысленной мирской трухой.
При этом не подозревая,
Что можно жизнью жить иной;
Аль мудрым львом один лишь день,
Аль лет под сто, но лишь овцой? –
А твой ответ, мой друг, какой?
Подумай, коль тебе не лень.
А ежели ленью болен разум –
Озвучу я диагноз сразу:
Твоя судьба, твой крест и гнет –
Влачить существование амёб.

VI.

И вот, как бабочка, порхая,
Себя счастливой ощущая,
Держа Укроева за руку,
В зачетке покорив науку,
Бархатотелая татарка
Парила по брусчатке парка.
В том самом, ставшем столь любимым,
В котором познакомились они.
И днем чудесным, не дождливым,
В плену у легкой болтовни,
Они под деревом в тени
Решили от людей вдали
По-европейски полежать,
Даря друг другу благодать.
Предусмотрительно-практично
Купив мороженое себе,
Они довольно прозаично,
Но романтично улеглись на траве.
Как на персидском сотканном ковре,
Под голову подставив руку,
Разлегся мирно на спине
Укроев в эту же минуту.
Адель, не в силах отказать
Пикантной слабости влюбленных,

Себе решила оказать
Услугу: лечь на груди оных;
На грудь мужскую, как подушку,
Обнять при этом, как игрушку,
И слушать самый лучший звук –
Любимого сердечный стук.

VII.

– Я, как Болконский у Толстого,
И небо под Аустерлицкое под стать.
Вот только облаков немного,
И под таким приятнее лежать...
– О чем ты, человек уютный мой? –
Спросила наглеца, спугнувшего покой,
В него уткнувшись, словно в теплую постель,
Улыбчиво-уснувшим голосом Адель.
– Да так... Забудь.
Я помешал тебе уснуть?
– Ты, Радамель, бессовестный...
Я неприлично счастлива с тобой.
– Да нет, скорее доблестный,
Раз счастья твоего герой.
– Я так бы пролежала вечность
Под ритмы сердца твоего.

Без слов. А только лишь беспечность

Нужна мне. Больше ничего.

Почти два года вместе мы уже,

А мне все интереснее сюжет

Нашей с тобой истории,

Той вопреки теории,

Которая гласит о том,

Что года три любовь живет.

– А что случается потом?

Она в агонии умрет?

– ...

– Ты, вроде, у меня большая,

Но говоришь порой не зная,

Тебе неведомые вещи,

Как будто человек ты вещей.

Любовь – тяжелая работа.

Она – есть каждодневный труд.

Счастливыми быть всем охота,

Но счастье не находят, а куют... –

Уже увлекшись разговором,

Окинув любопытным взором,

Ручонки на его груди сложив,

За партой школьнице подобна,

На них свой подбородок опустив,

Адель устроилась вольготно.

Она задумчиво внимала
Тому, чего не понимала.
Серьезности не предвещавший разговор,
Былой беспечности с отсрочкой приговор,
Используя циничный моветон,
Выписывал украдкой в кулуарах крон.
– Адель, ты судишь о любви
Порой, мне кажется, из книжек.
Из дамских приторных романов,
Где много сахарных мальчишек.
В которых девочки – кокетки.
В которых мир – ковчег идиллий.
Где сами по себе котлетки
Себя готовят без усилий.
Любовь в тех книжках идеальна,
Я говорю вполне буквально;
Привита от изъязнов и тоски,
И в них она – до гробовой доски.
Но жизнь привносит коррективы,
И не всегда лишь в розовых тонах,
А лето, солнце и Мальдивы
Порой бывают лишь в мечтах.
– Ну перестань, прошу... К чему ты?
Я все прекрасно понимаю,

И в облаках я не летаю.
Мне просто хорошо с тобой;
Ты теплый, нужный и родной.
– Все понимать – одно, а быть готовой
Ко всем превратностям судьбы,
Не знаю, будешь ли, увя...

VIII.

Пришла пора, читатель милый,
Унять мне слог свой легкокрылый.
Негоже складно рифмовать
Когда не к месту шутковать.
По ходу своего романа
С тобой я честен. Без обмана,
Без лести праздной, лицемерной,
Быть в дружбе предлагаю верной.
Сей метод буду применять,
И стиль привычный столь сменять,
Почувствовать чтоб мог легко,
Где мысль таится глубоко.
Где обретать и не терять,
Где есть над чем поразмышлять.
Чтоб смог прочувствовать героев;
Свободных редкостных изгоев
Или шагать привыкших строем,

Летать способных только роем.

Всяк встретится тебе, читатель,

Так потерпи же, созерцатель!

Да и талантливо перо

В руках пригретое мое.

Не стоит загонять его

В вольер шаблонный, как зверье.

IX.

– Прости.

Не знаю даже что

Сегодня на меня нашло.

(Хорошая моя, прости)

– Тебя тревожит что-то?

Говори...

Молчание – сомнений спутник.

Внутри себя их не взрасти.

– Я подошел к тому порогу...

Когда пора мне понемногу

Задумываться о семье.

Для этого созрел вполне;

Да и тебе уже не двадцать,

Пора бы нам определяться.

И должен я тебе признаться:

Мне страсть к тебе в оковах дней

Час от часу томить сложней,
Чтоб ее буйству не поддаться.
Привыкли жить мы жизнью разной.
Я – чуть земной, а ты – чуть праздной.
С тревогами я этими борюсь,
Однако, все-таки боюсь,
Что с непривычки тебе сложно
Со мною будет жить, возможно.
Тебе чуть легче все давалось.
Ни в чем особо не нуждалась.
– Так ведь и я... (Нет, дай сказать)
Хочу тебе детей рожать;
На ужин стол сервировать,
С работы вечерами ждать.
Хочу с тобою просыпаться,
Тебе уютно улыбаться.
Здоровы мы – какое счастье!
Закончу я учебу скоро.
И все дороги в одночасье,
Коль друг для друга мы опора,
К семейной жизни приведут
И воедино все сведут:
У каждого своя работа,
Есть дом, в котором сможем жить.
Какая может быть забота?

Любимый, нам с тобой тужить?!

Не вижу никаких причин:

Твои тревоги все напрасны.

– Пойми, я не из тех мужчин,

Что иждивенчеству подвластны;

За счет кого-то чтобы жить,

О чем кого-либо просить.

При этом мило улыбаться,

Чтоб благодарным показаться.

И если я о чем-то сожалел

С тех пор, как познакомился с тобой,

(Давно тебе сказать хотел)

То лишь о том, что ты с другой,

Немного чуждой мне планеты.

И разные нам эполеты,

В преддверии той нашей встречи,

Судьба накинула на плечи.

Запомни, милая, вовеки:

Нужда и бедность в человеке

Способны гордость породить

Иль пресмыкательство взрастить;

Аль независимость и честь,

Аль раболепие и лесть.

Мне лишь немного повезло

Тем, что статистике назло
Я не с презренным большинством
Сродни по духу естеством.
Я лучше беден буду, каясь,
Чем дармоедством не гнушаясь,
Лелеять звонкие монеты,
И лицемерно пируэты
Пред кем-то изящно выполнять.
А ты должна меня понять.
Себе как это представляешь:
В чужом чтоб доме был мужчина
Хозяином своей семьи?
Хотела мысли ты мои?...
Ну что же, вот тебе они.
– Эгоистично поступаешь!
Эгоистично, Радамель!
И что взамен ты предлагаешь?
И какова слов твоих цель?! –
Сменив стремглав былую позу,
Присела рядом с ним Адель,
Учуяв незнакомую угрозу,
Невиданную их беспечности досель.
– Да, ты права.
Эгоистично.
Ты не ошиблась лишь едва,

Произнеся эти слова.
Скажу тебе гораздо больше;
Не год иль пять, а многим дольше,
Я на алтарь из принципов своих,
Лишь за покой незыблемости их,
Не одну сотню жертв принес,
Но им ущерба не нанес!
И если суждено быть вместе:
Признаюсь сразу я невесте,
Которая женой мне стать
Желает; И детей рожать
Хотелось ей бы от меня –
Со мной иначе жить нельзя.
Жилье снимать с тобой мы будем,
Не обитать в палатах тех.
Пусть будет путь тернист и труден,
Все ж верю: ждет в конце успех.
С терпением придется подружиться
И воедино крепко слиться.
Успех тогда лишь к нам придет,
Когда любовь сия найдет
Себе друзей весьма надежных;
Не однодневных и не ложных.
Вот уважение, к примеру;

Доверие, друг в друга веру.

Конечно, страсть, но только в меру!

Имеет подлую манеру

Она с годами пропадать,

Но все ж придется ее взять.

И твоему, к тому же, кавалеру

Известен маленький секрет:

Он знает, как создать ту атмосферу,

Страсть (при которой)

Не посмеет сказать: «Нет»,—

Уже немного улыбаясь,

Чтоб сгладить острые углы,

К Адель, смущая, обращаясь,

Тревог он сбросил кандалы,

В которых та доселе пребывала

И вдаль задумчиво взидала.

— Дурак...

— За что?

— Да просто так.

Не улыбайся!

— Ты улыбаешься сама!

Какие важные слова,

Ну, согласишься, я произнес?

— Лишь жаль, что все это всерьез,

Не пожалев девичьих грез.

– Пойми, я должен был сказать,
Ну не в себе же мне держать.
И лучше все на берегу,
Иначе я тебе солгу.
У нас ведь в эти года два
Лишь уместились праздные слова.
Кино, прогулки и шары,
Воздушные да надувные.
Но это все лишь до поры –
Влюбленности дары шальные.
И чуть серьезный разговор
Им прозвучал как приговор.
– ...
– Эй, не грусти.
Ну все. Прости.
– Да нет...
Возможно, правильно ты сделал,
Что это мне сейчас поведал.
А знаешь, все же верю я:
У нас счастливая семья
С тобою будет, Радамель.
Я рядом буду. Мне поверь!
Должно у нас все получиться;
Не будешь, знаю, ты мириться

С тем, что сейчас вокруг имеешь.

Иначе поступить не смеешь!

Свой ум, способности предав,

В себе имея этот нрав.

Ты знаешь, я тебе не льщу

И утешений не ищу.

Все это время, наблюдая,

Тебя совсем неплохо зная,

Я эти говорю слова.

– Надеюсь, ты, Адель, права...

А все ж не забывай, родная,

В каких краях мы обитаем.

Какие нынче нравы тут;

Какие качества здесь чтут.

Быть может, что из окон панорамных,

Сентиментально-идеальных,

Ты видишь праздную страну.

Вот только я... в другой живу,—

Решив, что лучшим тут ответом

Ее молчание лишь станет,

Адель, прервав его на этом,

В его объятья снова канет.

– Да, кстати, а родители о нас

Твои чего-нибудь да знают?

– Нет... Правда, думала подчас

Все рассказать. Не разрешают.
Вернее, говорят, что рано.
Я не пойму порой их, право.
Твердят, что нужно доучиться,
А отношения потом.
Я не привыкла так делиться
О чем- то сокровенном, о своем.
– Но в то же время свою дочь
Они бы лицезреть не прочь
До свадьбы непорочно-чистой
И целомудрием лучистой?
– Скорее, это их наказ.
Чтоб в сокровенный день и час
Предстала пред своим супругом
Я, не плененная недугом
Всех легкомысленных девиц,
Пополнив ряд тех единиц,
Сумевших честь свою сберечь,
Не смея ею пренебречь.
– Вот подлинный где эгоизм!
Не тот, меня чем притыкала.
Ведь этот миленький трюизм,
Ах, если бы ты только знала,
Противоречит естеству:

Постпубертанта торжеству! –
Тут Радамель (Себе лишь верен)
Прием, что временем проверен,
Бестактно снова применил –
Он факт иронией склонил.
При этом хитро улыбаясь,
Адель слегка смутить стараясь.
Она с довольством на устах,
С незримой робостью, в сердцах,
Ему чуть слышно прошептала:
«Какой вы остроумный парень...»
И мочку уха целовала.
– И этим уже элитарен! –
В ответ услышала она –
Любви счастливая раба.
– Наверно, мы несовременны
В том, что касается сего.
– Любимая, поверь, нетленны
Столпы величия того,
О чем с тобой мы говорим.
Ты вспомни, чем покончил Рим,
Взрастив в себе зерно разврата.
Садом, Гоморра и Эллада...
Уж мне ль тебе напомнить надо,
Явилась чем за это плата?

– Их Бог за это наказал?...

– Да нет, иначе б я сказал,

Не прикрываясь небесами:

Те наказали себя сами.

– ...

– Все ж целомудрие и честь

В своей основе – мир и есть.

Мир, в коем нет срамных болезней,

Нет безотцовщины и блуда.

И этот мир куда полезней,

Но мы с тобою не оттуда;

Пока лежим, обняв друг друга:

Тебе не муж, мне не супруга,

Мы, в меньшей степени, но все же,

Своих страстей рабы ведь тоже.

Диагноз, верно, «утопист»

Над головой моей повис?

Всего лишь разума каприз...

Хронический я реалист.

Не праведник я, не святой.

Я вел себя всегда с тобой

Благоразумно потому,

Что ты, наперекор всему,

Сберечь сумела свою честь.

Я мог ли этим пренебречь?

И сколь кого бы не любил,

Поверь, себя бы не женил

На легкомыслием больных

Девниц прекрасных, но шальных.

– Принципиальность – ваше кредо?

А если бы случилось это,

И я, ошибку совершив,

Предстала б пред тобою, согрешив?

Не стала бы тебе женой?

Ты б жизнь свою связал с другой?

– Да. Не моргнув при этом глазом.

Отсею все вопросы разом,

Сказав тебе такую фразу:

Есть нюх у меня на блудниц.

Подобных видел сотню лиц

Я в общежитии прожив

Своей прекрасной Alma mater.

И аллергию там нажив,

Теперь имею сей фарватер.

Надежный и, казалось бы, простой –

Не быть плененным красотой

Непостоянной да нагой.

Жена должна дарить покой,

Сияя новою луной.

А красота – она ведь что?...

Увы, сезонное пальто,

Накинутое на нутро.

Недолговечное оно!

– Мне интересно так с тобой...

Ты знаешь, в среду я домой

К родителям в Самару еду.

Я с ними заведу беседу.

О нас. Ты прав, созрел тот разговор,

Что был отложен мною до сих пор.–

Еще с часочек полежав

Под кроной будничных идиллий,

Их над собою власть поправ,

Без героических усилий

Они покинули тот парк.

Ждал вечером ее Ремарк.

Его ждал Ильф, и ждал Петров,

Американских городов

(И в этом их заслуга)¹⁷,

Два несравненных друга.

Х.

И я, признаться, был готов,

С мудреных высоты годов,

¹⁷ «Одноэтажная Америка» – книга, путевой очерк, написанный Ильей Ильфом и Евгением Петровым.

Укроеву вменить клише
За рай, что с милым в шалаше;
Идеалиста, моралиста,
Бессовестного эгоиста.
Что если б он любил ее,
То на уступки бы пошел.
Но жизнь их – дело не мое,
Однако ж, случай я нашел,
Знакомств своих летá архив
При этом вновь я расчехлив.
Был у меня один знакомый.
Он по натуре был ведомый
Желанием разбогатеть,
Местечко потеплей иметь.
Готов на все был соглашаться,
Ничем при этом не гнушаться,
Вот только б бедность, безызвестность
Сменить на солнечную местность.
Дипломов хоть и понабрал,
Умом особым не страдал.
И не найдя пути иного
Себя благами окружить,
Он дочь богатого портного
Решился в жены попросить.

У них в именье прописался
И перспективным слыть старался.
Подумаешь, не комильфо!
Зато и сытно, и тепло.
С тех пор все дни его угрюмы.
Он иждивенческие думы
Посеяв, получил итог:
Несчастен он и одинок.
Господь женой его унижил.
Себя он браком не возвысил;
Она его не уважала,
Безвестно где-то пропадала.
В костюмах пусть он и ходил,
Отрады в них не находил.
Трещал их брак, увы, по швам,
И вечерами по углам,
Бывало, что порой сидели
Да друг на друга не смотрели.
От жалости жила, отчасти,
Она с ним; В страхе от напасти
Лишиться вмиг того, что есть –
Он растоптал пред нею честь.
Свои ошибки признавал,
Послушным мужем ей он стал.
Та рядом сердцем с ним черствела.

Детей ли тем что не имела,
Влача ли с тряпкой свои дни,
Без почестей и без любви.
В утехах плотских с ним скучала,
Во всем ему всегда лгала,
И клятвы мнимые давала;
Давно бы от него ушла
На ее месте бы другая,
И тут я, лишь предполагая,
Могу сказать все ж отчего
Не разводила та его.
Парадоксальный сей конфуз,
Хранитель их семейных уз,
Имел свой маленький секрет:
Жила она с ним много лет,
По видимости, оттого,
Что заслужила лишь его.

XI.

Возможно, строго Радамеля
Не стоит с вами мне журить.
Весьма существенна потеря –
Мужчиною при женщине не быть.
Куда, быть может, дальновидней

Поступок сей, в конце концов.
Ведь что же может быть обидней,
Чем членство в обществе глупцов?
Ну что ж, пришла пора, читатель,
Неугомонный мой мечтатель,
Нам чуточку с тобой взгрустнуть;
И прежде чем продолжить путь,
Платочком шелковым и белым,
Движением слегка несмелым,
Главе сей третьей помахать.
Пора к четвертой приступить!

Глава

IV

.

Жениться нужно на сироте...

(к/ф «Берегись автомобиля»)

I

.

Жемчужина земного шара,

Ты, моя милая Самара!

Давай раскроем всем секрет:

Прелестен сколь в тебе рассвет?

Что волжский ветер – твой любовник

Да счастья твоего виновник!

В плену у нежного дурмана,

Итоги этого романа

Храня утробой своей:

Красивых, светлых ты людей
России испокон рожаеть!
Гостей радушно принимаешь.
В твои, проказница, просторы
Я по-мальчишески влюблен!
И в Жигулевские те горы –
Почетный гордый легион!
На набережной вечерами
Закат беспечно провожал.
И бесподобными ночами
По площадям большим гулял.
Я поцелуй твои помню!
Зефирно-ягодны они!
Себе во мне нашла ты ровню:
Под стать, ты знаешь, и мои!
Твои поющие фонтаны,
В «Струковском» красные тюльпаны
Я не посмею позабыть.
Их буду в памяти хранить!
Тебе я строки посвящаю
И этим долг свой возвращаю!
Ты в суете банальных дней,
Неповторимостью своей,
Коль мне любимой оказалась,

На сих страницах расписалась.

П

.

Вот сессию очередную,

Сверкающую, золотую

Адель, столь буднично закрыв,

Про обещанье не забыв,

В родительский самарский дом

В красивом платье голубом,

Порхая, радостно влетела.

Она соскучиться успела

По запаху родного дома,

Где все ей любо и знакомо.

По маминой губадие

И по отцовской седине.

Они дочуркою гордились.

С утра до вечера трудились,

Их дочь ни в чем чтоб не нуждалась

И в жизни реализовалась.

Весьма приличный капитал

Итогом всех трудов тех стал.

Про первый миллион молчим:

О «девяностых» говорим.

О мать-приватизация,

Тебя родная нация

Еще нескоро позабудет;
Кто ненавидит, кто целует!
Мы, должное воздав Гайдару,
Изучим чуть подробней пару.
Спешу я вам отца и мать,
Их нравы точно описать.
Не буду называть имен.
Лет двадцать пять они вдвоем.
Отец достаточно умен,
И лишь в стремлении своем
Еще и сына бы иметь,
Увы, не смог он преуспеть.
Ему в апреле пятьдесят
Года отпраздновать велят.
И головою он седой
Стал, планово прожив с женой.
Мужик – трудяга хоть и скряга,
А в чем-то даже бедолага.
Казалось бы, во всем везло,
Но вот идиллии назло,
Его моложе лет на пять,
Себе он умудрился взять
Женою властную мишарку.
Пошла ли жизнь его насмарку?
Ну тут, читатель, как сказать...

С тех пор сумел успешным стать,
И перестал он выпивать.
Умеют женщины ковать
Мужчин порой себе под стать.
Хоть дома и по струнке ходит,
Любовниц все же не заводит.
Главой семьи он был формально,
Но чувствовал себя нормально.
Бывало, мило вечером
Он под надежным каблуком,
Обняв жену свою, довольный,
Подзабывал, что подневольный.
Но все ж не стоит нагнетать!
Он точно знал, на что менять
Бразды правления в семье,
Отдав всецело их жене.
Она ему не изменяла,
Стоически оберегала.
А ужин, как и завтрак, и обед:
Являлся вкусным много лет.
Был, правда, маленький нюанс
Сей нарушавший чуть баланс.
Особый блеск из глаз его
Исчез уже давным-давно.

Такое часто происходит,
Когда мужик по струнке ходит.
Она красавицей была
Ему с приданным отдана.
Ей было двадцать два едва,
В момент когда наречена
Была женой ему муллой,
Его став телом и душой.
Прошли года, но не дурна
И к сорока пяти она.
Да, может, прыть уже не та,
Но чахлостью не пленена.
И волосы, как ночь черны,
И правильны лица черты.
Миниатюрна да легка,
В червонном золоте рука.

III

.

В последний день свой гостевой
Адель за ужином покой,
Царивший долгие года,
Семейный вдруг оборвала.
Столовый отложив прибор,
С родителями разговор
Она о свадьбе завела

И сим взволнована была:
«Хочу я с вами поделиться
Тем, что на сердце у меня
Уже не первый год творится:
Живу я, искренне любя.
Любовью чистой, непорочной,
Которой пренебречь нельзя.
Счастливой стать я правомочной
Желаю браком для себя.
И ваше коль благословенье
Заслужит это откровенье,
Просить моей руки у вас
Любимый смеет в тот же час».
Средь неба ясного, как гром,
Родителей, сидящих за столом,
Врасплох застала эта новость,
Всю обнажив их неготовность
К подобным оборотам речи
Сим милым летним вечерком,
Не говоря уже о встрече
С им неизвестным женихом.
«Удивлены слегка мы с папой...
Так неожиданно все это.
Молчала. Не делилась с мамой.
И вдруг, приехав в гости летом:

«Не первый год», сказав при этом,
Ты делишься своим секретом.
Единственную нашу дочь
Счастливой видеть мы не прочь,
Но для спокойствия души,
Избранник кто твой, расскажи»,—
Все было интересно ей:
Каких тот человек кровей,
Какую жизнь жених ведет,
Работает где, где живет.
На все вопросы дав ответ,
Она внимала их совет:
«С замужеством не торопись.
Сначала, дочка, доучись.
А уж о детях и семье
Ты вправе говорить вполне,
Имея на руках диплом.
Вернемся к этому потом.
И этот разговор на том
Мы посему пока прервем»,—
Тем мамин строгий томный взор,
Не выносивший диссидентов,
Мечтам девичьим приговор
Без лишних вынес сантиментов.

IV

.

И в полночь уже перед сном

Адель все думала о том,

Как Радамелю рассказать,

Что им придется подождать;

Что брак пока их невозможен,

А тон родительский тревожен.

И в своей комнате укрывшись

Лоскутным пледом, чуть дыша,

Она, с печалью своей слившись,

Уж засыпала не спеша.

Вдруг дверь тихонечко открылась,

И мама к дочери явилась.

Она с ней рядышком легла

И очень нежно обняла.

– Грустишь?

Обиду на меня таишь?

– Нет, правда, мама, все в порядке...

– Я полежу с тобой в кроватке?

Как, помнишь, в детстве ты любила,

Когда к тебе я приходила

Про Винни Пуха почитать

И перед сном тебя обнять?

– Да...– Адель, смутившись, прошептала

И мамочку поцеловала.

– Ну расскажи, красивы хоть

Твоей любви лицо и плоть?

Умен избранник твой, не глуп?

Внимателен с тобой, не груб?

– Мам, не смущай... Он симпатичен.

В общении со мной приличен.

Порой мне кажется, что он

Совсем не по годам умен.

Вот только, мама, не пойму

Категоричность та к чему,

С которой высказались против,

Вы планы нам слегка испортив.

– Мы ничего не запрещаем,

А лишь тебя уберегаем

От необдуманных решений,

Сиюминутных искушений.

Ты вспомни, как, окончив школу,

Устроила ты дома ссору,

Не пожелавши за границей

На архитектора учиться,

А увлеченная столицей,

Ты вынудила нас мириться,

Адель, с истфаком МГУ!

Про мужа вовсе я молчу...

Риск ошибиться тут реален.
Итог, как правило, печален.
Подобных множество примеров:
Истраченных впустую нервов,
Приобретенных в браке бед
И прожитых бездарно лет,
История, поверь мне, знает.
К тому же, что меня пугает,
Так это положение его:
Он небогат, бесперспективен.
Я, не стремясь обидеть никого,
Пусть тон мой, может, негативен,
Предупредить ребенка своего
Обязана как мать, прости.
(Нет! Ничего не говори!)

Меня дослушай до конца.
К примеру своего отца
Внимательнее присмотрись.
Жизнь – не романтика, очнись!
Я тоже вот его любила
И от соперниц всех отбила.
Родителей ослушалась своих,
А им не нравился жених.
– Ведь ты же счастлива в итоге!

У вас есть деньги, дом, есть я.
– А знаешь, слез я по дороге
Сколь много выжила с себя,
Благам навстречу тем идя,
Мое наивное дитя?!
Сменять годами коммуналки,
Имея вид при этом жалкий.
Подвыпившего на себе
Тащить с работы в сентябре,
Мной выбранного мужа,
В промозглый день по лужам.
Ты знаешь, это какво:
Терпеть шальное баловство?
Себя при этом убеждать,
Что хочешь от него рожать.
Вот-вот что это все пройдет
И счастье с неба упадет.
В ночи себя я проклинала,
Когда любовь та умирала.
Я оправданий не искала!
Я свое счастье выгрызала!
Все то, что перечислено тобой,
Слепила твердою рукой.
V
.

Адель подобных откровений
От матери не ожидала.
Печали затхлых дуновений
Обителью она вмиг стала.
Немного та, конечно, знала,
Что испытания сначала,
К богатству и комфорту на пути,
Ее родители прошли.
Рассказы те, как назиданье,
Бывало, слышала она,
Но в это свежее признание
Адель поверить не могла.
Совсем она еще мала
В лихие годы те была.
Отец ее уgomонился,
Прозрев рождением дитя.
И от порока исцелился,
Поняв, что больше жить нельзя:
Семью, жену, себя губя.
И не теряя время зря,
Смекалку хитростью сплетя,
Он стал приятелем рубля.

VI

.

– К чему я разговор веду?

Иную, дочь моя, судьбу
Всего лишь для тебя хочу.
И чтобы на свою беду,
Как я когда-то, не страдала
Да слез моих тех не познала.
Любви плененная дурманом,
Боюсь я, как бы шарлатаном,
Адель, обманутой не стала.
Не сердцем чтобы выбирала
Себе супруга своего,
А чтобы разуму внимала.
Ведь улетучится легко
Любовь, которая сковала
Твой юный и наивный взор.
– Мам, это уже перебор!
– Отнюдь! Подумай: не бедна,
Собою вовсе не дурна.
В Москве своя квартира есть;
Наследница, если учесть,
Что нет у нас иных детей,
Всех сбережений и рублей,
Имеет что твоя семья.
Послушай, милая моя,
Весьма завидная невеста
Пред нами взору предстает.

И мысль моя, поверь, уместна,
Коль о корысти речь идет.
– Как можешь так ты рассуждать,
Не смея человека знать?!
Мой Радамель, поверь, другой!
Мы говорили с ним порой
Об этом, мама, в том числе.
И больше я скажу тебе:
Весьма он гордый в этом плане.
И пусть миллионов нет в кармане,
А все ж себе он цену знает.
Подобных мыслей не питает!
И в моем доме не желает
Он после нашей свадьбы жить.
И верит: сможем мы добыть,
Всех благ себе своим трудом.
Как смеешь ты судить о том,
Кто перспективен, а кто нет,
Не зная ничего о нем?!
По мне, слышала я бред!
– Ну коль желаешь знать ответ,
Тебя я быстро приземлю.
Так сколько говоришь там лет
Надежд герою твоему?

Ах, двадцать пять, совсем забыла!
Французского учитель языка...
Ты ничего не сочинила
В своих мечтах, Адель, слегка?!
Конечно же, наверняка
Сумеет он жилье купить.
Слезам поверит же Москва
И будет вам благоволить!
– Мам, прекрати!
– С какой же стати?!
Чтоб от реальности уйти?!
Тебе я помешала?! Хватит!
Не будь ты маленькой глупышкой!
С таким же глупеньким мальчишкой
Иллюзии объединив,
Уверовавшей в сказку! В миф!
Квартиру будете снимать?
Почем сегодня там жилье?
Зарплаты будет вам хватать?
В Москве дешевое житье?
«Хрущевку» на окраине столицы?
За МКАД? Покинете границы?
К нему ты в городишко собралась?
Ну коль любовь такая, я бы сорвалась!
В «однушке» со свекровью бы жила,

Детей плодила, счастлива была!
Комфорта хочется, а знаешь,
Как только первенца рожаеть?!
И после пары таких лет –
Твоей любви исчезнет след!
Свою шикарную квартиру
Ты будешь часто вспоминать.
Прости ты матери сатиру –
Посмела ль глупость я сказать?!
По прежней беззаботной жизни
Ты будешь, милая, скучать.
Гнать прочь от себя эти мысли,
Любви не смея докучать.
Нет, ну конечно, может быть,
Твой муж богатство обретет;
Сумеет золото добыть.
От онкологии спасет
Все человечество. Быть может,
Любовь твоя ему поможет!
И повезет – запатентует.
Везде законность ведь бушует;
Включила телевизор я вчера
И, знаешь, как-то быстро поняла:
У нас прекрасная страна

И идеальны в ней дела.
Здесь бизнес малый процветает,
И средний, вроде, бед не знает.
Не говоря уж про большой.
Ваш жизни век – век золотой! –
Глаза наполнились слезой
У девочки от этих слов.
Она от матери родной
Уроки жизненных основ
Пощечиною получала,
И что ответить ей не знала.
«Да, я жестоко поступаю!
Осознанно я проливаю
Из глаз твоих иллюзий бред
Воиспосение от бед!
Однажды мне спасибо скажешь,
А не упреками накажешь.
И коль он столь принципиален
И в самом деле опечален
Тем, что невеста не проста,
А положением сложна,
Союз неравный ваш его
Терзать с годами будет самого.
Мужчинам, независимым и гордым,
Амбициозным, убеждениями твердым

Стократ больнее лишь бывает,
Когда их неудача постигает.
Адель, поразмышляй серьезно
Над сказанными мной словами.
Поверь, пока еще не поздно
Не быть обманутой мечтами.
Ты ровню бы себе нашла...», –
На этом мать ее ушла.
В плену у беспокойной ночи
Дочь до рассвета свои очи
Уже сегодня не сомкнет,
А к вечеру ее вернет
В Москву зеленый самолет.

VII

.

И у меня ведь есть
невеста
!
Безумно рад я, если честно,
Что в ней покой свой нахожу
,
Когда в ее глаза гляжу.
Подобно шарму в бале венском,
Критерием являясь веским,
Они
,
как ночь, мерцая блеском,

Чаруют мою душу всплеском

Уютных чувств и теплых слов

.

Она

—

принцесса моих снов

!

И из бисквитного из теста

Сотворена моя невеста

;

В ней

двести

грамм любви,

Две ложки ласки,

Щепоточка тоски.

Не для огласки,

А между нами вам скажу

:

Своей находкой

дорожу.

У остальных: невесты и супруги,

Есть девушки и есть подруги.

Моя же

—

жемчуг, не девчонка

!

В ней непорочного ребенка

Таится свет и чистота.

Ах, как же ликом хороша!

У нее львиная осанка,

А красотой... Вавилонянка!

И в океане китчевых продукций,

Лишь тем, что глубоко нырял

,

Среди миллионов репродукций

Оригинал я отыскал.

Мы книжки разные читаем

.

Ей

«Гарри Поттер» детский близок –

Он возглавляет ее список.

А я дружу с Карамзиным

–

И актуальным

,

и земным.

Но, несмотря на е

е

детскость

И мою болдинскую резкость,

Объединяет нас одно

:

Друг друга любим вс

е

равно.

Она вкусняшками грозитя

,

Посмею коль на ней

жениться.

Я лаской обещаю бить

Да

поцелуями ей мстить.

Люблю
Казань
, она
—
Берлин,

И только Лондон нас один,

Бывает, что роднит во вкусах
.

Не в минусах мы схожи, в плюсах.

Себя я часто ей читаю

И об одном сейчас мечтаю
:

Жемчужина чтоб, найденная мной,

Мне
поскорее
стала
бы женой.

Быть потому ли Радамеля,

Его стремление разделяю.

Любви медовое похмелье

Законом Божиим желаю

Облагородить и унять —

Вавилонянке мужем стать.

VIII

.

Дождь теплый летний шел в Москве,

Прекрасный спутник он тоске.

Адель вернулась в свой чертог,

Браня неутешительный итог

Самарского ночного разговора.

А на экране телефона
От Радамеля весточка была:
«Ты прилетела? Как дела?»
«Не получилось дозвониться», –
Адель спешила объясниться.
«Хочу тебя увидеть, я скучала», –
В ответ ему та написала.
«Приеду, хорошо. Я тоже
Тоскою по тебе обложен
Все эти дни со всех сторон», –
Адель в ответ напишет он.
Все подготовив к этой встрече:
Столь поздний ужин и себя;
Казалось, стало ей чуть легче.
И взгляд лучистей янтаря
Ее украсит, несомненно,
При виде пассии мгновенно.
Его с порога обняла
Зеленоглазая шатенка
И миловидно расцвела
Улыбкой красного оттенка.
Едой домашней угощая,
Особо краски не сгущая,
О разговоре, о былом,

Адель расскажет за столом.
Родители, мол, что не против,
Велят вот только подождать.
Им вечер правдой не испортив,
Решила голосу придать
Акцент, пропитанный надеждой.
Была учтива с ним и нежной.
На удивление в нюансы
Не стал он пристально вникать.
Не стал подсчитывать их шансы,
Не стал вопросы задавать.
«Раз надо, значит, подождем»,—
Лишь подытожит лаконично.
«Ведь важно то, что мы вдвоем»,—
Адель подметит прозаично.
— Сегодня ты слегка не схож
С собой обычным. Что случилось?
В какие-то ты думы вхож?
Мне с твоего прихода мнилось,
Что озабочен ты итогом
Моей поездки в отчий дом.
— Нет, дело тут совсем в ином,—
Ответ сопровождал он вздохом.
— Чуть приболела моя мама.
Она в признаниях упряма.

Соседка мне намеренно позвонила
И обстановку доложила.
Да, в «сталинские времена»
Та органично бы вписалась.
В пароли, явки, имена
Она предательски влюблялась.
Нет, я, конечно же, шучу.
Соседка – давний мой союзник;
Моих лишь просьб невольный узник.
На выходных домой хочу
На пару дней я к маме съездить.
Не смею с этим боле медлить.
– А что случилось? Речь о чем?
Быть может, съездим к ней вдвоем?
– Не любит мать меня тревожить.
В укор я скрытность ставлю ей.
Лишь беспокойство мое множить
Тем удастся ей сильнеей.
Мне говорит, что ерунда:
Не нужно ехать никуда.
Мол, иногда лишь голова,
Бывает, что болит едва.
Давление, быть может, возраст.
Неведома мне вся серьезность.

Я вопреки всем «не хочу»,
Все ж покажу ее врачу.
Чуть праздный повод подберем
И обязательно вдвоем
Поедем с ней тебя знакомить.
Ты только не забудь напомнить! –
Он, улыбнувшись, произнес
И этим в разговор привнес,
Соскучившихся друг по другу,
Беспечность – их любви подругу.

IX

.

«Не уходи сегодня, Радамель...
Прошу, пожалуйста, останься.
Я расстелю тебе постель.
Со мною утром лишь расстанься.
Не оставляй в объятьях ночи
Меня с тревогами одну.
Не нахожу я боле мочи
Быть в их томительном плену.
Целуя я твои запястья,
Тебе покорностью верна.
В моем покое соучастье,
Оставшись, ты прими сполна.
Как никогда близка теперь

Тебя судьбой своей назвать.
В нетленность слов моих уверь.
Ответь, так смею ль расстилать?...»
В глаза ее взглянув тернисто,
Рукой своею приласкал.
Он разуму самоубийство
Ее устами предлагал.
Касаясь пальцами столь властно
Губ ее робких трепет нежный,
Внимал покорность безучастно,
И взгляд ее ловил прилежный:
«Тебе я верю... Что ж, ступай.
Задерни шторы. Расстилай».
Любви капризом ли ведома,
Нежна в речах она, истома?
Или же внутренний протест,
Укору матери сей жест?
Увы, пытливый мой читатель,
Сердец я женских не знаток;
А волей Божьей лишь писатель,
Быть может, ты знавал в них толк?...

Глава V.

Только правда оскорбительна.

Наполеон I Бонапарт.

Отродясь такого не видали, и вот опять!

Виктор Черномырдин.

Ходил он от дома к дому,

Стучась у чужих дверей,

Со старым дубовым пандури,

С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне –

Как солнечный блеск чиста,

Звучала великая правда,

Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,

Заставить биться сумел,

У многих будил он разум,

Дремавший в глубокой тьме.

Но люди, забывшие Бога,

Хранящие в сердце тьму,

Полную чашу отравы

Преподнесли ему.

Сказали ему: «Проклятый,

Пей осуши до дна...

И песня твоя чужда нам,

И правда твоя не нужна!»

Сосо Джугаивили (Иосиф Сталин) 1895г.

I.

Определенным ему Богом,
Из небольшого городка
Был гражданин Укроев родом,
Столь неказистого слегка.
Зовется этот город «Э».
Подобных уйма по стране.
Особо он не выделялся,
Был невысок и неширок.
Великий в нем не обучался,
И гений не писал в нем строк.
Был, правда, в городе завод.
Старательно из года в год
Травил исправно он народ.
Который в большинстве за МРОТ:
Где попадя, там и трудился.
Чем попадя, тем и гордился.
Как попадя, так и живет,
Так по статистике и мрет.

II.

Мать сына в тридцать родила.
Он поздним, долгожданным был.
Родился третьего числа,
Вот только месяц я забыл.

Всю жизнь работала та в школе –
Учитель физики она.
И, так случилось, судеб волей,
Была в «афганца» влюблена.
Тот раненный с войны вернулся.
Он Родине свой долг отдал.
Потом лишь понял: обманулся,
Ей ничего не задолжал.
И где-то там под Кандагаром
Здоровье он оставил даром.
На первом курсе сын учился,
В то время овдовела мать.
С отцом его инфаркт случился,
И скорбь пришлось им испытать.
Хотел отчислиться, вернуться,
Да матери опорой стать.
Но планы те его сотрутся
От слезной просьбы продолжать
Учиться в университете,
На том же самом факультете.
Мать его яро заклинала,
Когда о планах тех узнала –
Чтоб пятиться назад не смел,
И в память об отце сумел

Достойным человеком стать,
Мужаясь, быть ему под стать.
С тех пор прошло немало лет;
Он, выполняя свой обет,
Мы знаем: трудится в столице,
И в ней самарскою девицей
Зеленоглазою любим,
Да волей Божией храним.

III.

Приехал он в обед субботы.
Не отрывая мать с работы,
Поехал напрямиком домой:
Пятиэтажный и родной.
Войдя в квартиру, сладкий чуял
Он запах детства своего.
Неистово его смакуя,
Дышал все ж ровно и легко.
Все та же на стене картина,
Все та же башня за окном.
Извечна памяти доктрина –
Любить отеческий свой дом.
За стенами скандал обычный;
(Который уху столь привычный)
Соседка выпившего мужа

Ругает на чем свет стоит.
Бывает, правда, даже хуже:
Посуда бьется и звенит.
Они – веселенькая пара;
Соседку звали тетя Тамара.
На рынке рыбой торговала,
И «щукой» называться стала
В округе местной краевой.
А муж – бывалый дальнбой.
С годами дядя Витя спился,
И вдохновенно матерился.
Был прост душой, все же, мужик.
Ходил он с прозвищем «Ярщйк».
По паспорту был Ярщйков,
Ценитель дивных бранных слов.
Он дворником работал при заводе,
Того, травил что всех усердно.
Дядь Витя при любой погоде
Там пропадал порой бесследно.
Дядь Витя – ярый патриот!
Бывало, заводской народ
Автобусами вывозили
В соседний город для числа.
Во благо Матушки просили
Встать вместе строем против Зла.

Дядь Витя в первых был рядах
С бравадой яркой на устах!
Он Родину свою спасал,
Вот только... от чего – не знал.
На митингах друзей встречал,
Да за Отчизну выпивал.
Когда же дядя Витя трезв –
Интеллигентен он и резв.
Был сын у них. В деревне жил.
И, говорят, что тоже пил.
К ним очень редко приезжал.
Так, раз в два года навещал.
Дядь Витя Радамеля с детства
По-доброму к чему-то приучал.
Он от такого вот соседства
Бесценный опыт получал;
Любил из уст его он байки.
Перебирал болты и гайки
У дяди Вити в гараже.
Ему то было по душе;
Чинил с ним жигуленок старый,
Секрет владения гитарой
Освоил с дядей «Ярщиком»,
С годами подзабыв потом.

Терпела мужа тетя Тамара.
Шестой десяток разменяла.
Была ворчлива и тучна,
Как сталь дамасская прочна.
Та к Радамелю относилась,
Как к чаду. Словно своему.
За счастье мальчика молилась,
Желая славную судьбу.
Такое доброе соседство
Двух однокомнатных квартир,
Которое он помнил с детства,
Пятиэтажный дом ютил.

IV.

Встряхнув уставшие оковы,
Вернулась вскоре мать со школы.
В объятьях самой нежной встречи
Он поцелует ее плечи.
Вы знаете, чем пахнет мама?
Сей аромат – блаженства гамма:
Мать пахнет свежим мягким хлебом,
Порывистым над полем ветром.
Парным мать пахнет молоком,
Дождем весенним за окном.
Мать пахнет первой слезой,

Проливой в схватке родовой.
Бессонными ночами пахнет,
Молитвой шепотом в устах.
Душа пусть матери не чахнет,
Не блекнет свет в ее глазах.
Я ноги матери целую!
Намеренно и невзначай.
И ни за что бы на другую
Не променял. Читатель, знай!
И в суете мирской и бренной
Ты об одном не забывай:
Делюсь я тайной сокровенной,
Что Мать – и есть земное «Рай».

V.

В родных стенах в вечерний час,
За ужином на этот раз,
Сын был пытлив, обеспокоен
И чуть воинственно настроен
По отношению к упрямству,
Что проявляла мать подчас.
Поддавшись странному контрасту,
Под видом фракционных фраз,
Сменить пытаюсь резко тему,
Она извечную проблему

Пыталась вновь маскировать:
Она здорова – ей ль не знать!
Характер пустяка придать
Спешила видом всем недугу.
Просила сына подождать
И оказать ей тем услугу.
Дождаться отпуска велела,
Да успокоить тем сумела
Родное чадо, слово дав,
Что вместо всяк лечебных трав,
Ответом на его мольбу,
Она поедет с ним в Москву;
Обследуется у врачей,
Утешить сына чтоб скорей.

VI.

Я сам учительствовал прежде;
Давно бывал я в шкуре той.
Тогда я молод был. Надежде
Всяк верен и гоним мечтой –
Свет знания нести собой
В род под названием людской.
Пытался я свободу сеять
В умы молодые с ранних лет.
Я смел иллюзию лелеять!

Но во главу у многих бед
С грудным те молоком впитали
Неисправимые детали,
Нюансы, характерные стадам:
Быть преданными господам.
Безропотными и немыми,
Те, не желая слыть иными,
Паслись на выжженной земле,
Купаясь в мракобесной мгле.
Я только время потерял,
(А Саша ведь предупреждал)
И сам таким же чуть не стал,
Но, благо, вовремя удрал.
Старик бы Уинстон тут сказал,
Что парень сердцем обладал!
Но под тирадой лет и дум
Я приобрел еще и ум.
Свободу сеять я не стану!
Я пастухам слагал бы оды;
Я им желать не перестану –
Быть в здравии часы и годы!
И пусть те мирные народы,
Влюбленные в свое ярмо,
Коль оказались сей породы –
Стригутся быстро и легко!

Раз это столь для них желанно,
Раз это столь для них любимо,
Раз процедура долгожданна,
Их счастью не мешая, мимо
Я аккуратненько пройду.
К чему же рушить их мечту?...

VII.

Ремарка здесь к чему уместна?
Уж коль признать, то нужно честно
Нам констатировать тот факт,
Что труд учителя никак
Не связан с месяцами года.
В столицах, может быть, погода
Им отдыхать благоволит,
Но в целом, по стране, велит:
Являться строго на работу,
Будь то июньская суббота,
Будь то июльская среда,
И даже в августе всегда
Найдется что им делать в школе,
Ну, в бизнес не ушли те коле.
А посему не дайтесь диву,
Отчасти растеряв что силу,
В субботний вечер на диване

Уселась мать, предав нирване:
Все мысли, тело, дух. Как знать,
Быть может, в этом благодать.
По телевизору негромко,
Навязчиво, но очень тонко
Ей намекали, что в стране
Заботятся о ней вполне.
Укроев умиротворенный,
За день с дороги подустан,
И оттого немного сонный,
Улегся рядом, почитав
Пред этим Чехова немного.
Уж не судите его строго!
Имел привычку мой герой,
Вразрез ровесникам порой,
По пирамиде Маслоу ввысь
Карабкаться, граниты грызть;
И мысль свою тренировать,
Стагнацией чтоб не страдать.
И может быть, (к чему всем знать?)
Что в этом-то и благодать.

VIII.

Он, словно малое дитя,
Полусмешно, полушутя

Улегся в позе эмбриона
В объятиях родного дома.
Мать трепетно его волос
Коснулась, и ее вопрос
О том, когда уедет он,
Прогонит столь желанный сон.
– Наверно, в понедельник, мам.
В Москве во вторник, тут и там,
Побегать нужно по делам.
Друзьям и городу воздам
Я завтра должное внимание,
Ну а потом, всем – до свиданья!
– Тогда иди, ложись в постель.
Уж весь ты сонный, Радамель.
– Нет. Мам, хочу побыть с тобой.
Ты – моя радость, мой покой. –
Так и уснул тягучим сном,
Проснувшись в воскресенье днем.

IX.

Спал долго он.
До десяти.
То ль оттого, что странный сон
Сей ночью смел его найти.
То ль от дороги, что с Москвы,

Уставши. Не могу, увы,
Причину точную я знать,
Но сон могу пересказать.
Перо мое здесь ни при чем.
Художественный всяк прием
Я тоже тут не применю,
Своей лишь памяти вменю
Я этим строкам передать
Слова, что Радамель сказать
Успел при встрече нашей той,
В час откровений и земной
Беседы дружеской мужской.
Он в местность темную попал;
Куда? Зачем? Во что? – не знал.
Ни стен, ни неба, ни земли;
Сквозь тьму там не видать руки.
Куда идти?
Иль не идти?
Не мог ответы он найти.
Да и идти – коль нет пути?...
Был не во мраке он, а частью:
Тот будто сам его являл.
Он не пленен был чьей-то властью,
Но с ним себя отождествлял.

Он ждал так долго.
До поры.
Когда трескучие костры
Узрел тот пред собой вдали.
Они смиренно приближались,
Несметными ему казались.
То были люди, в чьих глазах
Навечно воцарился страх.
Пылали головы огнем,
А лбы всех мечены клеймом.
Среди людской всей этой лавы
Лишь выделялся одноглазый.
Тем, что угрюмое чело
Носило слово, не клеймо.
Все проходили сквозь него,
Пера героя моего.
Он ждал так долго.
До поры.
Когда не стало суеты.
Предстал последний.
Одноглазый.
Держа в руках своих алмазы,
Следы скрывая от проказы,
На незнакомом языке
Он к Радамелю обращаясь,

Был понимаемым вполне,
С Укроевым во сне общаясь:
«Бедняк?...
Бедняк ли ты?
Не так?!

Чего желаешь? Красоты?
Желаешь женщин, может, ты?
Богач?...
Богач ли ты?
Не так?!

Проси, что хочешь.
Просто так!
Быть может, пожелаешь власть?
Ее познать не хочешь сласть?
Тебе к лицу была бы власть!
К лицу!
Быть может, женщин?
Я пойму!
Богат ли я?...
Богат!
Была намеренна вся Земля
Моим богатством, представляешь?!

Людскую жажду утолил,
Хоть сорок дней всего я жил!

И лишь таких, как ты, людей
Не смог я щедростью своей
Облагодетельствовать, все же.
Но власть бери! К лицу тебе!
В элите доблестных тиранов
Иль благодетельных мужей –
Твое бы имя неустанно
Сердца тревожило людей!
Возьмешь прекрасных женщин, может?
Им хорошо с тобой ведь тоже!
Их дрожь и стоны ты ценил –
Я потому их предложил.
Ты соблазнять их был мастак.
Бери, что хочешь! Просто так!
Ты видел всех этих людей?
Те отказались! Ты не смей!
Ты видел страх у них в глазах?
Те отказались! Ты не смей!
Клеймо ты видел на их лбах?
Они – приспешники чертей!
Со мной пребудь среди царей!
Те отказались! Ты не смей!»
– Я мраком стал... –
Тому Укроев отвечал.
– Я от твоих речей устал.

О муж, ты лучше б замолчал.
Я мраком стал. Не вижу рук.
Ты предлагаешь мне подруг.
Я мраком стал. Не вижу рук.
Не зрею ничего вокруг!
Я мраком стал. Мне б свет и тело:
Вот это, понимаю, дело!
– Какой пустяк!
Желаешь так?
Смирено ты за мной последуй
И свою участь унаследуй! –
Прошел последним сквозь него,
Оставив снова одного.
Манила мысль его о свете,
Пусть от костра на голове!
Недавно был тому свидетель –
Прошли как зряче люди те.
И муж был тот пусть и уродлив,
Но больно искренен, угодлив.
Он спереди был. Был он сбоку.
Он слева, справа был. Заботу
В речах своих он проявлял.
Тут мыслью Радамель воспрял:
«Быть может, страха не познаю,

За ним коль смело пошагаю?»,—
Примерно так он полагал,
Однако же, чего-то ждал.
Да и в себя тут как пройти?
Не видно всякого пути.
Он, воедино с мраком слившись,
Отчаянием утомившись,
К неведомому вопрошал;
Одно лишь ясно — он искал
Себя и хоть какой-то путь,
Коль тьма являла его суть.
Он ждал так долго.
До поры.
Когда средь мыслей кутерьмы
Он кожей стал себя являть
И свое тело обретать.
Себя узрел он среди тьмы.
И руки, пальцы все видны.
Из утомительной тюрьмы,
Пребыв в которой без вины,
Он словно вмиг освободился
Тем, что стремглав преобразился.
Себя он видел, но вокруг:
Все тот же мрак. Поодаль вдруг
Полоски редкие надежды,

Которую он потерял,
Собою яркий свет являл.
Полоски были невпопад,
Не стройный представляя ряд.
Но он и этому был рад!
Ах, знали б вы! Как аромат
Описывал при встрече той
Пера мне моего герой!
Он мне рассказывал, ликуя!
Тот аромат, что он почуял,
Коль ветер с тех сторон повеял,
Нигде он прежде не лелеял!
Оратор знатный был Укроев;
Он мысль облакал легко!
От этих прописных устоев,
Однако ж, был он далеко
В попытках подобрать слова,
Чтоб аромат тот описать.
Перо поможет тут едва...
И я таких не смею знать!
В домах заброшенных бывали? –
Прибиты окна их доской.
Тогда б вы лучше понимали,
Что лицезрел во сне герой.

Сквозь эти щели проступали
Цвета, блаженство что внушали.
«Лишь сделай шаг –
Покинь сей мрак!»,–
Услышав это, не спеша
Навстречу свету сделал па,
Его приблизив тем сильнее.
Себя не в силах превозмочь,
Он, робость прогоняя прочь,
Увереннее шел, быстрее.
Уж не шагал ведь, а бежал,
Но свет его опережал!
На этом странный сон прервал
Тот голос, что он с детства знал.
Из кухни доносился томный
Двух женщин диалог укромный.
«Опять он, паразит, нажрался.
Когда б уже наотмечался!...
Все, выгоню его к чертям!
Предам всем четырем путям!
На что мне в жизни эта кара?!»,–
Бранила мужа тетя Тамара.
Х.
Укроев, мой товарищ верный,

Был, человек, он – внесистемный.
И бредом всяким не страдал.
Разумен он! Миллениал!
Не верил тот в чертей, в людей.
В святых и в грешных он не верил,
И схоластических идей
Не был сторонник. Все же вверил
Он разуму всяк бытие;
(Уж таково его чутье)
И жизнь свою лишь этим мерил.
Во сне тому, что увидал,
Характер глупости придал.
Он, улыбнувшись воскресенью,
Вручил бредовое забвенью.
На кухне вот уже стоял
И тетя Тамару приобнял.
«Ах, как же поутру вкусны
Бывают мамины блины!»,—
За стол с улыбкою, шутя,
Уселось славное дитя.
Допрос классический пройдя,
Соседке он всего себя
В который раз презентовал,
Лишь про Адель не рассказал.
Та протоколом сим довольна;

Тем, что соседский сын достойно
В столице Родины живет,
Пристойно там себя ведет.
Неосторожность тот имел –
О наболевшем ляпнуть смел:
– Как там дядь Витя поживает?
Работает ли, не хворает?
– Заботами он не страдает!
По графику стабильно пьет,
Хоть благо, что меня не бьет!
Да всех переживет тот гад!
Недели две тому назад
На пенсию же, дурень, вышел!
– Тamar, Тamar, ну хватит, тише.–
Мать Радамеля улыбалась,
Коль со стола тут прибиралась.
– Ну как же будешь тише, Сара?!
Как выпьет, так в руке гитара,
А в доме запах перегара!
Не человек, ей-богу, кара!
Посмеет только пусть прийти,
Я укажу ему пути! –
Укроевы к тому привыкли;
В угоду пламенных реликвий

Она его пусть и ругала,
Но никогда не прогоняла.
Им суждено было до смерти
Средь буреносной круговерти
Беречь друг друга и терпеть,
Коль разбежаться не успеть
По молодости умудрились:
Уже давно те с этим свыклись.
«Пойду, влекут меня дела», –
Он маму, встав из-за стола,
За вкусный завтрак поцелует.
(Ей сын всегда любовь дарует)
Сменив футболку на рубашку,
Покинул он пятиэтажку.
Был небольшой пред домом сквер.
В угоду вековых манер
Частенько отдыхал там люд,
Здесь находя себе приют.
Столы, скамейки – все тут есть.
Муниципалитету – честь!
Они завод не закрывали,
Но кое-что предпринимали,
Чтоб те, не ведая печали,
С комфортом все же помирали.
Коль нынче парки обустроить

Повсюду стало очень модно,
Смущаясь, смею я напомнить –
Под них «пилить» весьма удобно.

ХІ.

Из сквера из того устало
Антоновское зазвучало.
«Жаль, что вечер мал...», –
Дядь Витя грустно напевал.
То ли от жизни он устал...
Или же радоваться ей.
Гитары струны тот ласкал:
И медленнее, и нежней.
Но Радамеля заприметив,
Дядь Витя радостным вмиг стал,
Стремглав другое заиграл.
«И никому на свете...
Грусти не выдавай!
Мечта сбывается...», – он улыбается.
Кричит: «Присядь ко мне! Давай!»
Ярщик – хороший был мужик!
С кармана «Беломор» торчит.
И пепельная седина
Под кепочкой едва видна.
За традиционным – «Как дела?» –

Они в беседу удила
По старой дружбе сей вложили
И этой встречей дорожили.
– Пора тебе жениться, Радамель...
Пора... пора, сынок, поверь.
– На ком жениться, дядь Ярщик?
Бывалый, вроде, ты мужик.
Уж лучше мне бы подсказал. –
Тот затянулся, подождал,
Ну а потом совет свой дал.
Могучих слов он много знал;
Я вам бы их презентовал,
Но передумал, искажил.
Уж извините, так решил.
– Не хочешь слыть коль дураком,
То ты женись-ка... ни на ком!
На ком жениться, Радамель?
Когда кругом одни тут пряди,
Что любят лишь забавы ради.
Когда кругом плывут шаланды,
Сменяющие вмиг команды.
Тааффеитов дефицит!
Кругом конвейер, общепит.
На ком жениться, Радамель?

На Машах, Светах, Олях, Розах?

Что рядом обещают быть при грозах,

Ну а затем, все в тех же прозах,

Другим клянутся в разных позах.

На ком жениться, Радамель?...

– Не понимаю я теперь.

Тогда к чему твердишь – «пора

Жениться – мне ты, седина?

– Куда ты денешься, сынок?!

Тут словно в сказке: прыг и скок,

А там уже, как повезет –

Или падение, иль взлет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.